

Фомина Татьяна Юрьевна

ОЧЕРК ИСТОРИИ БЕЛГОРОДСКОЙ ЕПИСКОПИИ (ДО КОНЦА XII В.)

В статье на основе комплекса исторических источников и историографии предпринимается попытка реконструкции времени, обстоятельств возникновения Белгородской епископии и перечня архиереев, возглавлявших кафедру в X-XIII вв. Традиционно возникновение города Белгорода и епископской кафедры относится ко времени княжения Владимира Святославича, однако деятельность архиереев по летописным известиям прослеживается не ранее 70-х гг. XI в. Епископы Белгорода упоминаются в качестве участников общерусских церковных событий либо известий, связанных с Киево-Печерским монастырем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С. 188-192. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

10. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. 800 с.
11. Демографическая модернизация России, 1900-2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
12. Дружинин Н. П. Право и личность крестьянина. Ярославль: Тип. К. Ф. Некрасова, 1912. 316 с.
13. Евреннов Г. А. Крестьянский вопрос в его современной постановке. СПб.: Типография А. Бенке, 1903. 83 с.
14. Загорский А. О разводе по русскому праву. Харьков: Типография М. Ф. Зильберберга, 1884. 490 с.
15. Костров Н. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск: Томская губернская типография, 1876. 117 с.
16. Кровосмешение // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86-ти т. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1895. Т. XVI А. Коялович – Кулон. 963 с.
17. Кулишер М. И. Развод и положение женщины. СПб.: Типо-Литография Б. М. Вольфа, 1896. XV+288 с.
18. Максимов С. В. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Книжный клуб «КниговеК», 2010. Т. 2. Сибирь и каторга: части II-IV. 644 с.
19. Меншиков И. С., Федоров С. Г. Девиантное и делинквентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX в.: монография. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2013. 260 с.
20. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. М.: Зерцало, 2003. 736 с.
21. Русская община / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1376 с.
22. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / авт.-сост. И. И. Шангина. СПб.: Деловая полиграфия, 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. 411 с.
23. Сборник народных юридических обычаев (Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. XVIII) / под ред. П. А. Матвеева, С. В. Пахмана. СПб.: Тип. В. Киришбаума, А. С. Суворина, 1878. Т. 1. 1070 с.
24. Федоров С. Г. Конокрадство и самосуд в системе обычного права провинциальной России во второй половине XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. 2. С. 197-199.
25. Якушкин Е. И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Ярославль: Типография Губернского Правления, 1875. Вып. 1. 251 с.

SNOKHACHESTVO AND LYNCHING IN COMMON LAW OF THE RUSSIAN AND SIBERIAN COUNTRYSIDE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Fedorov Sergei Georgievich, Ph. D. in History
Kurgan State University
serg-georg@mail.ru

The article examines the social and legal phenomenon of snokhachestvo in Russian common law. The author argues that lynching for snokhachestvo in the Russian countryside was an extraordinary measure. The paper considers motives for snokhachestvo, the attitude to this phenomenon of common peasant and official normative law. The researcher provides examples of snokhachestvo cases and punishments for them in the Russian and Siberian countryside, analyzes the transformation of the peasantry's views on snokhachestvo under the influence of modernization processes.

Key words and phrases: common law; lynching; snokhachestvo; Russian and Siberian countryside; large family; nuclear family; modernization processes.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье на основе комплекса исторических источников и историографии предпринимается попытка реконструкции времени, обстоятельств возникновения Белгородской епископии и перечня архиереев, возглавлявших кафедру в X-XIII вв. Традиционно возникновение города Белгорода и епископской кафедры относится ко времени княжения Владимира Святославича, однако деятельность архиереев по летописным известиям прослеживается не ранее 70-х гг. XI в. Епископы Белгорода упоминаются в качестве участников общерусских церковных событий либо известий, связанных с Киево-Печерским монастырем.

Ключевые слова и фразы: Древняя Русь; церковная иерархия; Белгородская епископия; архиереи; епископы.

Фомина Татьяна Юрьевна, к.и.н.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов
stal73@yandex.ru

ОЧЕРК ИСТОРИИ БЕЛГОРОДСКОЙ ЕПИСКОПИИ (ДО КОНЦА XII В.)[©]

Проблема возникновения и развития епископских центров на территории Древней Руси является значимой для понимания процесса становления древнерусской церковной организации. Одной из первых епископий,

[©] Фомина Т. Ю., 2015

зафиксированных на территории русской митрополии, стала епископия с центром в Белгороде. Впервые на страницах русских летописей этот город появляется в 996 г. Поздний Никоновский свод описывает его основание так: «Заложил Володимир Бѣлградъ, и наведе въ оныи отъ иныхъ градовъ множество людии; бе бо Володимиръ любя градъ тѣмъ паче всехъ градовъ, и постави въ немъ церковь Преображеніе Христова» [13, с. 66]. Белгород был основан на реке Ирпень чуть западнее Киева. Источники умалчивают, с какой целью Владимир основал крепость практически в черте стольного города, почему заселил собранным из различных земель населением и что вызывало в Крестителе Руси такую любовь к данному поселению? Замысел Владимира вряд ли возможно раскрыть, а вот название города – Белгород, – несомненно, выбрано не случайно. Если изначально город был деревянным, то, согласно архитектурным особенностям, он никак не мог быть «белым». Если термин «белый» предполагал чистоту, свет либо святость, то тогда это связано с сакральным смыслом, и возникает возможная аналогия с центрами христианского мира, например, Константинополем, городами юго-восточной Европы. Но если исходить из практической значимости крепости, то Белгород был ключом к Киеву, форпостом на его западных рубежах.

К периоду правления Владимира Святославича относятся еще два упоминания Белгорода, оба связанные с набегами печенегов. Первое упоминание – под 999 г., когда город был осажден, и только хитрость помогла снять осаду: печенегам показали два колодца «единъ наполнивъ цежа киселнаго, сиречь киселя неваренаго, а другой сыты» в доказательство, что они не смогут взять город «яко сѣа пища безпрестани намъ отъ земля исходить» [Там же, с. 67-68]. Второе известие описывает события 1004 г., когда Белгород от печенегов спасли дружины Александра Поповича и Яна Усмошвеца, посланные на помощь князем Владимиром [Там же, с. 68]. Таким образом, история Белгорода конца X – начала XI в. связана с деятельностью Киевского князя Владимира Святославича, который основал город, построил в нем храм и обеспечивал защиту от набегов печенегов. В последующий исторический период Белгород, безусловно, является княжеским столом, значимым для рода Рюриковичей, однако в нем не сложилось самостоятельной ветви княжеской династии.

Крепость была местом периодического пребывания союзников Киевских князей. В 1117-1125 гг. белгородский стол занимал Мстислав, которого Владимир Мономах как старшего сына готовил в качестве преемника на киевское княжение [15, стб. 285, 290]. В 1141 г. белгородским князем называется Святослав Ольгович – «Всеволод разлоучивая съ братомъ своимъ и дая емоу Бѣлгородъ» [Там же, стб. 310]. Известие 1149 г. сообщает о том, что после вокняжения в Киеве Юрий Долгорукий «старейшаго сына своего Ростислава посади у Переяслави, Андрея Вышегороде, а Бориса в Бѣлгороде, а Глеба в Канове, а Василка в Соуждали» [Там же, стб. 385]. В следующем году Борис Юрьевич упоминается «съ дружиною своею и с попы белгородскими» [Там же, стб. 416]. Мстислав Ростиславич из Владимира пребывает в Белгород в 1162 г. [Там же, стб. 518]. Вероятно, одним из самых длительных периодов правления в истории белгородского княжества следует признать княжение Рюрика Ростиславича. В 1174 г. он, также как все Ростиславичи, затворяется в своей резиденции в Белгороде, будучи не в силах отстоять Киев под натиском Ярослава Изяславича и союзных ему князей [Там же, стб. 576, 578]. В 1190 г. после смерти белгородского епископа Максима ставит на кафедру «оца своего дхвнаго игоумена стго Михаила Андреяна Выдобычского» [Там же, стб. 667], а в 1197 г. присутствует на освящении митрополитом Никифором церкви св. Апостолов [Там же, стб. 707]. Таким образом, пребывание русских князей в крепости со времени Владимира Святославича до конца XII в. крайне нерегулярное. После указанного периода белгородское княжество исчезает со страниц летописей, также как епископия на его территории.

Время возникновения Белгородской кафедры является предметом дискуссии и не имеет однозначного решения историографии. Данное обстоятельство связано со скудностью и ненадежностью свидетельств сохранившихся источников по истории Древней Руси. Одним из ранних известий о существовании Белгородской епископии следует признать ее упоминание в перечне русских епархий митрополии «Росия» (или «Киев Росиия») Константинопольского патриархата конца X в., а также в списках 1080-х гг., конца XII в. и в редакции XIII в. [18]. Примечательно, что белгородская кафедра в данных источниках указана первой. Согласно византийской традиции последовательность перечисления епископий совпадала с хронологией их появления и статусом, занимаемым в церковной иерархии [11, с. 186]. В след за известиями источников польский исследователь А. Поппе в ходе реконструкции времени появления епископских центров домонгольской Руси также считает Белгородскую кафедру первой из русских епископий и относит время ее основания к 988 г. [16, с. 443].

Однако это не согласуется с известиями, помещенными в Новгородской первой летописи под 989 г.: «Первая киевская митрополия, потом новгородская архиепискупья, также черниговская, переяславская, белгородская, володимирская, юргевская, ростовская, полочская, смоленская, тферская, рязанская» [12, с. 164], т.е. новгородскими летописцами белгородская кафедра помещена лишь на четвертое место. Никоновская летопись только под 992 годом сообщает о поставлении Белгороду епископа Никиты [13, с. 65]. Не прослеживается безусловного первенства белгородских епископов и во внутрицерковных делах. В перечне архиереев, поставленных на кафедру митрополитом Леонтом (существование которого представляется ряду исследователей легендарным) [10], белгородский святитель значится последним, после епископов новгородского, черниговского, ростовского и владимирского [13, с. 65]. Однако при интерпретации сведений Никоновского свода стоит согласиться с мнением А. В. Назаренко, что его составитель лишь «имитировал знание» обстоятельств начального этапа русской церковной истории [11, с. 180].

Даты основания белгородской епископии в 992 г. придерживаются такие церковные авторы, как Амвросий (Орнатский) [1, с. 222] и митрополит Мануил (Лемешевский) [8, с. 370]. Тот же год указан в церковном издании,

подготовленном М. Е. Губониным и коллективом авторов под руководством П. Н. Грюнберга [5, с. 908]. Исследователи вслед за Новгородской первой летописью ставят белгородскую кафедру на четвертое место в перечне русских епископий. При этом в работах Амвросия (Орнатского) и Мануила (Лемешевского) она указывается после Владимирской епархии на Волыни (988 г.), Новгородской и Черниговской [1, с. 67; 7, с. 535; 8, с. 358], в то время как в издании «История иерархии Русской православной церкви» первоначально называются Киевская (862 г.), Новгородская (991/992 г.) и Ярославская (991/992 г.) кафедры [5, с. 908]. Указанные выше даты и сведения об основании кафедры оказываются состоятельными, только если рассматривать белгородскую епископию как часть киевской митрополии под властью константинопольского патриархата.

Иная точка зрения была предложена М. Д. Приселковым в ходе обоснования гипотезы об изначальной церковной независимости Руси от Византии. Исследователь связывал возникновение белгородской кафедры, так же как и становление русского христианства, с влиянием Охридской архиепископии [17, с. 17-43]. К сожалению, ни одна из приведенных выше точек зрения не может иметь под собой достаточных оснований. Это связано с тем, что на Руси так и не сложилась традиция ведения епископских листов [3, с. 128], что значительно затрудняет реконструкцию перечня епископов, занимавших белгородскую кафедру на начальном этапе ее существования. Все перечисленные исследователи лишь высказывали свои догадки или гипотезы, не имеющие достаточного основания.

Время святительства и деятельность белгородских архиереев, так же как и большинства церковных иерархов Руси, нашли скудное отражение в исторических источниках. Значительная часть епископов упоминается лишь в качестве участников общецерковных событий, таких как перенесение мощей Бориса и Глеба (1072 г. и 1115 г.), поставление митрополита Климента (1147 г.). Иерархи фигурируют также в известиях, связанных с Печерской обителью: освящение храма Пресвятой Богородицы (1089 г.), перенесение мощей преп. Феодосия (1091 г.).

Первым белгородским епископом принято считать святителя Никиту, который упоминается в Никоновской летописи под 992 г. [13, с. 65]. Как было отмечено выше, скупое известие фиксирует факт поставления епископа на кафедру Киевским митрополитом Леонтом. Именно это событие считается церковными историографами не только точкой отсчета истории белгородской кафедры, но и свидетельством официального принятия хиротонии [1, с. 222; 8, с. 370]. Однако тот же Никоновский свод об основании и заселении Белгорода, а также о строительстве церкви Преображения Христова сообщает только то под 996 г. [13, с. 66]. Возникает очевидное противоречие – город заложен Владимиром Святославичем позднее, чем установлена епископия. Анализ обстоятельств возникновения кафедры в Белгороде позволяет предположить, что упоминаемый в летописи Никита мог быть поставлен, например, не на епископскую кафедру, а для служения во вновь выстроенный храм Преображения Господня либо мог исполнять функции викария Киевского архиерея.

Далее белгородская епископия надолго исчезает со страниц летописей. Неизвестно участие белгородских святителей и в таком значимом событии русской церковной истории, как поставление в 1051 г. митрополита Илариона. Лаврентьевская летопись сообщает, что поставлен митрополит собранием епископов, состав которого источником не оговаривается [14, стб. 156]. Отсутствие точных свидетельств приводит к значительным затруднениям и неверным трактовкам указанных событий. Например, ошибочным следует признать мнение Мануила (Лемешевского), который полагал, что в 1071-1072 гг. белгородской епископией управлял святитель Николай/Никита. Автор предполагает, что одно из этих имен – мирское, а другое получено при постриге [8, с. 391]. Данная точка зрения не была поддержана другими исследователями.

Следующий белгородский архиерей известен как участник канонизации в 1072 г. первых русских страстотерпцев – князей Бориса и Глеба [14, с. 183, 291]. Коллективное мероприятие Рюриковичей положило начало формированию пантеона русских святых, а епископ Стефан Белгородский упоминается не только в рамках процедуры переноса мощей [13, с. 99-100], но и как участник совместного богослужения, «отпевше литургию» [14, с. 183].

Лука Белгородский в 1089 г. принимал участие в освящении церкви Успения Пресвятой Богородицы Киево-Печерского монастыря. Показательно, что обряд совершался Киевским митрополитом Иоанном, а белгородский архиерей Лука указан в перечне первым, наряду с епископами ростовским Исакием и Иваном Черниговским [13, с. 115]. Это позволяет предположить, что Иоанн и другие епископы были воспитанниками Печерского монастыря и сохранили связи со своей обителью. Патерик свидетельствует, что братство не только способствовало восхождению отдельных иноков в архиерейский сан, но и поддерживало их в святительской деятельности [6, с. 124].

Под 1113 г. летопись сообщает о поставлении Белугороду епископа Никиты [14, стб. 278]. Хотя летописание не упоминает имени киевского митрополита, совершившего данное таинство, хронологически событие относится ко времени святительства Никифора (с 1104 г.) [16, с. 453]. Повторно Никита Белгородский упоминается как участник перенесения мощей князей Бориса и Глеба, помещенного в погодной записи под 1115 г. В Лаврентьевской [14, стб. 291] и Никоновской [13, с. 149] летописях известия идентичны и не сообщают персональный состав участников освящения храма в Вышгороде. А вот запись в Ипатьевском своде вызывает интерес – перенесение святых мощей осуществлял «митрополитъ Микифоръ с всеми епископы съ Фекистомъ Черниговскимъ, с Лазарем Переяславским, с попомъ Никитою Белогородскимъ и с Данилоу Гурьговскимъ» [15, стб. 281]. Из перечня епископов – участников события только белгородский святитель назван «попом», причин этому может быть несколько. Возможно, святитель Никита взошел на епископскую кафедру из числа приходского духовенства, овдовевший или разлученный с женой, либо давший обет безбрачия.

Нельзя отрицать и ситуации, когда для участия в столь значимом для Рюриковичей событии был приглашен священник городского кафедрального храма. Последнее маловероятно, т.к. противоречит известию 1113 г. о поставлении епископа Белгороду. Насколько возможно в изучаемый период занятие кафедры представителями женатого духовенства, не принявшего монашество, выяснить не представляется возможным.

Следующий за Никитой белгородский архиерей упоминается в качестве участника процедуры избрания митрополита Климента Смолятича в 1147 г.: Белгородский епископ Феодор в летописном известии указан вторым после Онуфрия Черниговского, местоблюстителем на киевском престоле [Там же, стб. 341-342]. Известие 1150 г. сообщает о том, что Борис Юрьевич не сумел отстоять город «съ дружиною своею и с попы Белогородскими» и бежал из крепости, участие епископа в этих событиях не указано [Там же, стб. 416]. Вряд ли летописец мог назвать правящего архиерея в числе простых попов.

Время расцвета белгородской кафедры следует относить к периоду княжения Рюрика Ростиславича. В 1190 г. умер епископ Максим, источники не сохранили известий о его святительской деятельности, но, вероятно, данный архиерей пользовался особым уважением у паствы. Место его захоронения было украшено мрамором, а над местом расположения кельи был выстроен храм [2, с. 92; 4, с. 68]. После смерти епископа Максима Рюрик Ростиславич ставит на кафедру «оца своего дхвнаго игоумена стго Михаила Андреяна Выдобычского» [15, стб. 667]. Данный факт показателен, с одной стороны – соблюдаются канонические требования и монашеский чин является необходимой ступенью к посвящению в архиерейский сан, с другой стороны – княжеская власть единолично принимает решение о поставлении епископа, с последующей легитимизацией кандидата со стороны Киевского митрополита [19]. И известие под 1197 г., безусловно, подтверждает этот факт: «созда [Рюрик Ростиславич – Т.Ф.] црkvь каменуу стхъ апсль в Белегороде блговерный князь Рюрик приехавъ ис Киева и сти црkvь ка каменуу стхъ апсль епспья Белогородская великимъ свщениемъ блжнымъ митрополитомъ Никифоромъ епскопомъ Андреяномъ» [15, стб. 707-708]. Таким образом, кандидатура княжеского ставленника Андреяна была принята митрополитом, и он был удостоен совместного служения.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что история Белгородской епископии домонгольского периода крайне скудно и противоречиво освещена в исторических источниках. Если можно согласиться со временем основания крепости усилиями Владимира Святославича, то учреждение епископии едва ли можно отнести к периоду ранее 70-х гг. XI в. С другой стороны, возникает вопрос – каковы причины основания епископской кафедры в столь непосредственной близости от стольного города и резиденции Киевского митрополита? Т.к. согласно канонической традиции должны быть определены границы архиерейского округа, в сложившейся ситуации территория белгородской епископии должна быть подвластна митрополитам всея Руси как архиереям Киевского княжества. Данная проблема не нашла отражения в источниках и не поднималась в историографии, но возможны несколько предположений. Киевские митрополиты, возможно, не имели земель, находящихся в их непосредственном управлении, а получали доходы из княжеской казны и подвластных им епископий. С другой стороны, округ Белгородского архиерея мог ограничиваться стенами крепости, и тогда их содержание могло складываться из княжеских пожалований, например, под 1197 г. упоминается богатая раздача подарков князем на духовном пиру [Там же].

Восстановить последовательный ряд епископов, занимавших Белгородскую кафедру, не представляется возможным, вероятно, пребывание архиереев было непостоянным, так же как и представителей княжеской власти. С определенной долей уверенности можно говорить о реальном существовании лишь пяти епископов, служение которых связывается с Белгородом, и то их имена стали известны благодаря участию в общерусских мероприятиях либо в известиях о Киево-Печерской обители. Их святительская деятельность осталась неизвестной летописцу. Скорее всего, завершающим периодом существования Белгородской кафедры можно считать 30-е г. XIII в., когда под 1231 г. сообщается о поставлении Кирилла Ростовского митрополитом Кириллом «с окрестными епископами иже сущи иже и стиша и с митрополитом Перфурии Черниговский епископ Олекса Полоцкий епископ и ина в епископа Белогородский и Юрьевский» [14, стб. 457]. Следовательно, к этому времени изменяется внутренняя структура Киевской митрополии, а именно, происходит укрупнение епископских округов, и Белгородская кафедра, наряду с Полоцкой и Юрьевской, возглавляется одним архиереем. Это знаменует в том числе и новый этап политического развития, связанный с формированием вассально-сюзеренных отношений на Руси [9].

Список литературы

1. **Амвросий (Орнатский).** История российской иерархии: в 6-ти т. Киев: Тип. Киево-Печерской Лавры, 1827. Т. 1. Ч. 1. XXII+685 с.
2. **Гайденок П. И.** Священная иерархия Древней Руси (XI-XIII вв.): зарисовки власти и повседневности: монография. М.: Университетская книга, 2014. 212 с.
3. **Гидулянов П. В.** Митрополиты в первые три века христианства // Ученые записки Императорского Московского университета юридического факультета. М.: Университет. тип., 1905. Вып. 25. С. 1-377.
4. **Древняя Русь. Город, замок, село** / отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985. 432 с.
5. **История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки Иерархов по Епископским кафедрам с 862 года** / под ред. М. Е. Губонина, П. Н. Грюнберга. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2006. 926 с.
6. **Киево-Печерский патерик** // Древнерусские патерики / сост. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М.: Наука, 1999. С. 109-185.

7. Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи. 992-1892 гг.: биографический словарь: в 3-х т. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003. Т. 1. 543 с.
8. Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи. 992-1892 гг.: биографический словарь: в 3-х т. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003. Т. 2. 607 с.
9. Мининкова Л. В. Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2007. 520 с.
10. Назаренко А. В. Архиереи Русской Православной Церкви (кон. X – сер. XIII в.) // Макарий, митр. (Булгаков). История Русской Церкви: в 7-ми кн. М., 1995. Кн. 2. История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988-1240). С. 663-667.
11. Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 528 с.
12. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань: Александрия, 2001. 639 с.
13. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 256 с.
14. Полное собрание русских летописей. 2-е изд. Л.: АН СССР, 1926-1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 632 с.
15. Полное собрание русских летописей. 2-е изд. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. 638 с.
16. Поппе А. Митрополиты и князья в Киевской Руси // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237 гг.). СПб.: Византиноведение, 1996. С. 443-471.
17. Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб.: Наука, 2003. 246 с.
18. Список епископов Константинопольского патриархата // Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия: в 5-ти т. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. 2. Византийские источники / сост., пер и коммент. М. В. Бибилова. С. 248-251.
19. Фомина Т. Ю. Принципы подбора кандидатов на архиерейские должности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. 1. С. 177-182.

HISTORICAL SURVEY OF BELGOROD EPISCOPATE (UP TO THE END OF THE XII CENTURY)

Fomina Tat'yana Yur'evna, Ph. D. in History

Naberezhnye Chelny Institute of Socio-Pedagogical Technologies and Resources
stal73@yandex.ru

The article on the basis of historical sources and historiography tries to reconstruct the time, conditions of the origin of Belgorod episcopate and the list of bishops, who headed the cathedra in the X-XIII centuries. Traditionally they refer the origin of Belgorod city and the episcopal cathedra to Vladimir Sviatoslavich's reign, but the activity of the bishops according to the chronicles is observed not earlier than the 70s of the XI century. The bishops of Belgorod are mentioned as participants of all-Russian church events or in relation to the news associated with the Kiev-Pechersky monastery.

Key words and phrases: early Rus; church hierarchy; Belgorod episcopate; bishops; pontiffs.

УДК 32

Политология

В статье рассматриваются культурные, исторические, геополитические, а также экономические предпосылки формирования и восприятия перекрестного имиджа России и Турции в медиапространстве. Авторы выявляют значимость оснований данных предпосылок, которые заключаются в экономическом и торговом сотрудничестве, богатстве национальных культур, а также обоюдном интересе и привлекательности, опирающихся на «мягкую силу» культуры.

Ключевые слова и фразы: Россия; Турция; образ; имидж; культура.

Хакан Айдоган

Барабаш Виктор Владимирович

Российский университет дружбы народов

aydoganhakanc@gmail.com; barabash.victor@gmail.com

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕКРЕСТНОГО ИМИДЖА РОССИИ И ТУРЦИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ[©]

Турция и Россия имеют долгую и сложную историю взаимоотношений. В разные исторические периоды между этими двумя странами происходили войны, возникали противоречия и конфликты. Тем не менее в 1923 г. правительство Российской Советской Федеративной Социалистической Республики первым из всех стран мира официально признало Турецкую Республику независимым государством.

Начиная с 20-х гг. XX века отношения между странами постоянно улучшались. В настоящий момент, по мнению Ю. С. Кудряшовой, «интенсивные российско-турецкие деловые связи создали ситуацию взаимозависимости